

Первая женщина ПОСОЛ И ДИПЛОМАТ

Личность это легендарная. Первая в мире женщина-министр, первая в мире женщина-посол... Ее имя овеяно легендами, она — одна из самых загадочных женщин советской России, хотя бы потому, что, побывав на самой вершине революционной власти, сумела выжить и «взять» другую высоту — дипломатическую. До глубокой старости она сводила с ума мужчин.

Все это — об Александре Михайловне Коллонтай (в девичестве Домонтович), дочери полковника-аристократа и разведенной финской мещанки. Возлюбленной многих видных большевиков, так или иначе попавших в жернова революционного террора. О женщине, не имеющей никакого отношения к знаменитой «теории стакана воды», но воплощавшей эту теорию на практике до глубокой старости, сводя с ума мужчин много моложе нее.

Будущая «валькирия революции» родилась 1 апреля 1872 года в семье полковника генерального штаба, который в сорок лет женился на разведенной женщине с тремя детьми. Сам по себе брак был скандальным

для избранного петербургского общества, но супруги нежно и преданно любили друг друга. У их общей дочери Александры в крови (сложная смесь русской, украинской, финской, немецкой и французской) бы-

до заложено понятие о счастливом браке как о чем-то прекрасном.

У генеральской дочки (отец к этому времени стал генералом) было все, что полагалось детям привилегированного сословия: своя комната, няня-англичанка, гувернантка-француженка. И будущее у нее было вполне определенное: блестящая партия, дети, балы и поездки в усадьбу или за границу.

Воспитание девочка получила существенно домашнее, но экзамены на аттестат зрелости сдала экстерном в петербургской мужской гимназии лучше многих гимназистов. Уже в юном возрасте она обнаруживала удивительную зрелость и гибкость ума в сочетании с чисто мужским подходом ко многим морально-этическим вопросам. Родители попрали устоявшиеся нормы общества, бросили им вызов. Их дочь, имея перед глазами живой пример, поступила точно также, только пошла гораздо дальше в своих устремлениях, желаниях и представлениях о браке. Да и времена стремительно менялись.

Сдав экзамены, Александра получила сертификат школьной учительницы, что, по понятиям ее родителей, было вполне достаточно для девушки из хорошей семьи, которой «необходимо составить приличную партию». Поэтому на поступление в какое бы то ни было высшее учебное заведение было наложено категорическое «вето»: неизвестно, каких опасных и глупых идей сможет нахвататься там романтически

настроенная девица. (Если бы родители могли хотя бы краешком глаза заглянуть в будущее дочери, любой университет показался бы им пострижением в монастырь с самым строгим уставом.)

Девушка посещала и Школу поощрения художеств, брала частные уроки рисования. Была даже введена в великосветское общество.

В круг юношеского общения Александры Домонтович входил ее троюродный брат Игорь Лотарев, которого через несколько лет любители поэзии наградили титулом «короля поэтов». Странно, но Коллонтай чрезвычайно редко вспоминала о своем родстве с Игорем Северяниным и никогда не пыталась помочь ему вернуться на родину, когда он буквально погибал в неприветливой Финляндии.

Вокруг имени Александры Коллонтай существовало и существует много сплетен и домыслов. Так, например, считается, что ей делал предложение руки и сердца адъютант императора генерал Тутолмин. Называют даже его возраст — 40 лет. Шура якобы отказала воздыхателю, но все дело в том, что... у Александра III в конце 80-х годов такого адъютанта просто не было. В русской армии служил генерал от кавалерии Иван Федорович Тутолмин, который с 1885 года командовал Кавказской казачьей дивизией и в столице физически отсутствовал.

Была еще одна чрезвычайно живучая сплетня (которую, по-видимому,

поддерживала сама Александра). Якобы из-за Шуры застрелился сын генерала Драгомирова. Красиво, романтично, вышибает слезу, но... У генерала от инфантерии Михаила Ивановича Драгомирова было три сына: Владимир, Абрам и Александр, все — боевые офицеры. Двое из них дослужились до генеральского чина, один стал полковником. Умерли все в XX веке. В Шуру Домонтович

ступившим в Николаевскую инженерную академию. Шура Домонтович приходилась ему троюродной сестрой по материнской линии. Родственные узы дали повод Владимиру посещать дом генерала Домонтовича, так что с Шурой молодой человек виделся регулярно. Говорили они о политике и о социальной несправедливости, читали Герцена. Закончились эти встречи неожиданно: де-

никто из них безответно не влюблялся и пулю себе в голову не пускал.

В реальности все было гораздо проще. Александра постоянно находилась под строгим присмотром матери, поэтому вела себя скромно и сдержано. В 1890 году девушка познакомилась с Владимиром Людвиговичем Коллонтаем, только-только получившим звание поручика и по-

вушка заявила родителям, что любит Владимира Коллонтая и желает стать его женой. Но прожить на жалование поручика вдвоем — это считалось немыслимым, поэтому мать категорически выступила против брака, хотя и понимала романтические устремления дочери.

От греха подальше, родители отравили Александру в длительную

поездку по европейским странам. Они надеялись, что дочь забудет поручика и найдет себе со временем достойного жениха. Повторюсь: если бы они могли заглянуть в будущее дочери, то обвенчали бы ее с троюродным братом в тот же день и никому да не выпустили бы из России.

В Европе Шура узнала про профсоюзы, Клару Цеткин, «Коммунистический манифест», — про все то, что в России было запретным. К тому же разлука не притупила чувства молодых людей, и в 1893 году они все-таки поженились. Немаловажную роль в этом сыграло очередное звание

го пять лет. Пока муж успешно делал военную карьеру (в 1895 году получил чин капитана), его жена с головой ушла в работу в публичной библиотеке, где собирались столичные вольнодумцы. Ее сыну, Мише, не исполнилось еще и полугода, а его мать, внезапно осознав, что не все в этом мире гармонично и справедливо, прониклась идеей участвовать в избавлении человечества от «вселенского зла».

Надо сказать, что в средствах молодая семья не была стеснена — отец выделил замужней дочери значительное содержание. Вечерами

Решающую роль в судьбе молодой Александры сыграло знакомство с ее ровесницей, революционеркой Еленой Стасовой, которая ввела девушку в свой круг, где лидировали Владимир Ульянов, Юлий Мартов, Надежда Крупская, которые представляли собой новую поросль революционеров, ставивших своей первоочередной задачей свержение существующего строя

штабс-капитана, которое Владимир получил в 1892 году, всего через два года после присвоения ему звания поручика.

Они были счастливой и красивой парой. Муж был мягок и добр, старался во всем ей угодить, к тому же, оказался горазд на выдумки и забавы. Упрекнуть его было не в чем, но Александра хотела чего-то другого. Чего? Она сама не знала.

В 1894 году у пары родился мальчик. Назвали его Михаилом. Но семейная идиллия продолжалась все-

собирались, читали вслух социальную публицистику, отобранную Шурой. Заходили новые друзья хозяйки дома — учителя, журналисты, артисты — и до хрипоты спорили о политике.

Есть такие женщины, которым Бог не дал таланта быть хранительницей семейного очага. Хотя, казалось бы, всем остальным природа их наградила: и красотой, и грацией, и обаянием, и умением любить, и умом... Но желанием создать семейный уют Шурочка Коллонтай была

обделена так же, как иногда какой-нибудь человек начисто лишен слуха или голоса.

«Я хотела быть свободной, — признавалась она. — Мое недовольство браком началось очень рано. Я бунтовала против «тирана», так называла моего мужа... Хотя я любила своего красивого мужа и говорила всем, что страшно счастлива, но мне все казалось, что это «счастье» меня как-то связало. Я хотела быть свободной. Маленькие хозяйственные и домашние заботы заполняли весь день, и я не могла больше писать повести и романы, как делала это, когда жила у родителей. Хозяйство меня совсем не интересовало, а за сыном могла очень хорошо ухаживать няня Анна Петровна. Но Аннушка требовала, чтобы я сама занималась домом. Как только маленький сын засыпал, я целовала его мокрый от пота лобик, плотнее закутывала в одеяльце и шла в соседнюю комнату, чтобы снова взяться за книгу Ленина».

В результате Александра покинула супружескую квартиру, сняла комнаты для себя, сына и няни, но дом ей нужен был не для семейного уюта, а, чтобы делать дело — читать и писать.

13 августа 1898 года Шура Коллонтай отправилась за границу, оставив сына на попечение родителей. Ей было двадцать шесть лет.

Она выбрала Швейцарию, чтобы получить образование, но заболела нервным расстройством и переехала в Италию, где писала статьи для

газет и журналов, которые... никто не печатал. Нервное расстройство усиливалось, и врачи посоветовали ей вернуться домой.

Решающую роль в судьбе молодой женщины сыграло знакомство с ее ровесницей и «профессиональной» революционеркой Еленой Стасовой. Она довольно быстро ввела умную, романтически настроенную Александру в свой круг, где лидировали Владимир Ульянов, Юлий Мартов, Надежда Крупская. Все они отличались непомерными амбициями и представляли собой новую поросль революционеров, ставивших своей первоочередной задачей свержение существующего строя.

Елена Стасова стала использовать Шуру в качестве курьера. Та возила какие-то посылки, письма, запрещенную литературу разным неизвестным личностям в условиях строжайшей конспирации. Для молодой неискушенной женщины подобное времяпрепровождение представлялось очень романтичным.

Хотя нельзя сказать, что решение бросить семью и «уйти в революцию» далось Шурочке легко. Она долго колебалась, плакала, но новые знакомые уже полностью опутали ее своими идеями. Молодая женщина окончательно рассталась с мужем (официально же развод оформили лишь в 1916 году) и полностью отдалась модным в те годы революционным течениям.

У нее теперь были другие заботы — вернувшись из-за границы

в Россию в 1889 году, она сразу вступила в созданную год назад партию РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия), а два года спустя познакомилась с Георгием Валентиновичем Плехановым. Во многом благодаря этому знакомству, после раскола партии в 1903 году, Коллонтай оказалась во фракции меньшевиков и тем самым отмежеввалась от Ульянова-Ленина. Только в 1914 году она пересмотрела свои политические ориентиры и вновь оказалась в лагере большевиков.

Когда в 1902 году умер ее отец, возникло множество бытовых проблем. Ей в наследство перешло имущество, которое приносило большие доходы, позволявшие безбедно жить в Европе. Ей нужны были деньги, но заниматься их добычей, обременять себя финансовыми отчетами не хотелось. Дом отца продали, и она сняла хорошую квартиру.

Александра предпочитала только творчество: она была уже автором трех книг по социальным проблемам, много писала о женском движении, о пролетарской нравственности, которая придет на смену буржуазной.

В 1905 году Коллонтай обнаружила в себе еще один талант — талант оратора. Включившись в агитационную работу нелегалов, она с пафосом выступала на рабочих собраниях. На одном из них Шурочка познакомилась с соредктором первой легальной газеты социал-демократов в России Петром Масловым, которо-

*Александра Коллонтай
и Павел Дыбенко*

го отчаянно критиковал Ленин. Красноречивый экономист произвел на нее неизгладимое впечатление. Она говорила только о нем, и Петр Маслов — степенный, расчетливый — бросился в омут любви, хотя и состоял в законном браке.

Личное гармонично сочеталось с общественным. Маслов читал цикл лекций в Германии — и Коллонтай приехала на учредительный съезд социал-демократов в Мангейм, затем — на конгресс Интернационала. Но Петр смертельно боялся огласки, и тайные свидания радости ему не приносили...

Тем временем бурная революционная деятельность Коллонтай не осталась без внимания властей. Ее арестовали, но скоро выпустили под залог. Пока она скрывалась у писательницы Щепкиной-Куперник, друзья приготовили ей заграничный

паспорт, и она сбежала из страны. Ее разлука с Петербургом на этот раз растянулась на восемь лет.

Вскоре за ней последовал Петр Маслов (правда, ему пришлось взять с собой семью). Тайная любовь продолжилась в Берлине. Но роман начал тяготить ее, поскольку превратился в тривиальный адюльтер. Она уехала в Париж, сняла комнату в скромном семейном пансионе. Петр сразу бросился за ней, правда... опять со всем своим семейством. Он приходил к любовнице каждый день, но ровно в половине десятого торопился домой. Александра окон-

Тогда они долго бродили по городу, зашли в бистро. Она спросила, как его зовут. Он представился Александром Шляпниковым, революционером-пролетарием. Ночью Александр привез ее в пригород, в скромный дом, где снимал крохотную комнату. Ему было двадцать шесть, ей — тридцать девять...

А утром последовали объяснения и разрыв с Петром Масловым.

Они с Санькой (как Шура называла нового возлюбленного) решили уехать в Берлин, но ей пришлось задержаться в Париже: прибыл муж, Владимир Коллонтай. Не читая, Шу-

Попав на дипломатическую работу, Александра Михайловна полностью преобразилась: она навсегда забыла кожаную комиссарскую тужурку, перестала пить водку, в ее манерах появились изысканность и аристократизм. Да и знание многих языков также было большим плюсом

чательно поняла, что такой эрзац супружеской жизни ее категорически не устраивает.

Конец романа был внезапным: на траурном митинге у могилы Лафаргов (необыкновенно романтическое место для начала нового романа!) она заметила на себе пристальный взгляд молодого мужчины — прямой, открытый, властный. После похорон он подошел, похвалил ее речь, поцеловал ручку. «Он мне мил, этот веселый, открытый, прямой и волевой парень», — писала Коллонтай немного позже.

ра подписала заготовленные его адвокатом документы о разводе, где всю вину брала на себя. Теперь бывший муж мог спокойно жениться на любимой женщине, с которой давно жил и которая любила их с Шурой сына Мишу.

Коллонтай писала позже, что, только начав жить с пролетарием, она стала лучше понимать жизнь и проблемы рабочих. Шляпников выполнял ответственные поручения Ленина, поэтому редко бывал дома. Когда же им удавалось подольше жить вместе, Шура замечала, что

друг начинает ее раздражать. Мужчина, который, при всей неприязнательности, все-таки требовал минимального ухода и внимания, был обузой. Он мешал ей работать, писать статьи и тезисы лекций.

Мировая война застала Коллонтай с сыном Мишей в Германии. Они вместе отдыхали в это лето в курортном городке Коль-груб. Их арестовали, но через два дня выпустили, так как она была врагом того режима, с

которым она писала о своем одиночестве и ненужности.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, но в этот момент ее пригласили с лекциями в США, к тому же сам Ленин поручил ей перевести его книгу и попытаться издать в Штатах. Коллонтай выполнила его задание, да и лекции имели бешеный успех. Она объехала 123 города и в каждом прочитала по лекции, а то и по две.

С Марселем Боди

которым Германия вступила в войну. Шура отправила сына в Россию, а сама уехала в Швецию, где был в то время Шляпников. Но из Швеции ее выслали за революционную агитацию без права возвращения когда-либо. Выгнали навсегда.

Она остановилась в Норвегии. Наезжавший иногда Шляпников тяготил ее все больше, сказывались и долгая разлука с Россией, и бездельность. У нее началась депрес-

«Коллонтай покорила Америку!» — захлебывалась американская пресса.

Александра выписала к себе сына и устроила Мишу через своих знакомых на военные заводы США, что освободило его от призыва в действующую российскую армию. Со Шляпниковым она порвала все отношения и уже собиралась навсегда обосноваться в столь гостеприимной Америке, как мир взорвался

ошеломляющей новостью: русский царь отрекся от престола!

Ленин сам написал Коллонтай, чтобы она спешно возвращалась на Родину — ее уже избрали в исполком Петроградского Совета.

А потом события стали развиваться так стремительно, что, даже узнав о тяжелой болезни бывшего мужа, Александра едва нашла время его навестить. Но прийти на его похороны она не смогла: была целиком поглощена революционной работой.

Коллонтай принимала участие в заседании ЦК РСДРП (б) 23 октября 1917 года, принявшего решение о вооруженном восстании, была членом президиума Второго съезда Советов (25—26 октября 1917 года). После установления власти большевиков и левых эсеров она была избрана во ВЦИК и 30 октября лично от Ленина получила пост народного комиссара общественного призрения в первом составе Совета народных комиссаров. Коллонтай была единственной женщиной, попавшей в этот важный орган власти. Единственной — и последней на долгие годы. Только давняя подруга Елена Стасова и Варвара Яковлева стали кандидатами в члены ЦК. Остальные все — мужчины: Сталин, Свердлов, Ленин, Троцкий, Рыков, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Берзин, Бухарин...

Между прочим, именно по инициативе Александры Михайловны была максимально упрощена процедура развода. Теперь для расторжения

брака необходимо было лишь заявление одной из сторон и небольшая пошлина в государственную казну. Вся процедура занимала минуты, а не годы, как в царской России.

В январе 1918 года, когда наркому понадобилось помещение под Дом инвалидов, Александра, ничтоже сумняшеся, с помощью отряда матросов предприняла попытку реквизировать Александро-Невскую лавру в Петрограде, что спровоцировало массовое сопротивление верующих; и реквизицию Лавры пришлось отложить.

В марте 1918 года, стоя на позициях, Коллонтай выступила против Брестского мирного договора и в знак протеста вышла из состава правительства. Во время Гражданской войны она была направлена на Украину, где возглавила наркомат агитации и пропаганды Крымской советской республики, а также политический отдел Крымской армии.

Газеты следили за каждым ее шагом, называя ее «Валькирией революции». Про ее вдохновенные речи на митингах складывались легенды. Толпа всюду встречала ее восторженными криками. Ее ошеломительный ораторский успех побудил Ленина доверить ей самое трудное: воздействовать на матросов, которые совершенно не поддавались большевистской агитации, и Коллонтай отправилась на военные корабли.

Ее встретил председатель Центробалта матрос Павел Дыбенко, богатырь и бородач с ясными глаза-

ми, который на руках перенес Шуру с трапа на катер. С этого дня он сопровождал ее во всех поездках, но роман развивался довольно медленно. Дыбенко был выходцем из неграмотной крестьянской семьи, он отличался лихостью, буйным темпераментом и импульсивностью и был на семнадцать лет моложе своей «Валькирии». Коллонтай колебалась, а Дыбенко твердо шел к намеченной цели. (Кстати, именно Павел Ефимович возглавил первые отряды Красной армии. Он выступил против немецких оккупантов и наголову разбил их полчища под Нарвой. С тех славных времен вся страна и празднует 23 февраля — День советской армии и военно-морского флота).

Красивая сказка, безумная, страстная любовь... Они сочетались официальным браком. Эта запись является первой в книге актов гражданского состояния молодого государства рабочих и крестьян.

«Я не намеревалась легализовать наши отношения, но аргументы Павла — если мы поженимся, то до последнего вздоха будем вместе — поколебали меня, — писала Коллонтай. — Важен был и моральный престиж народных комиссаров. Гражданский брак положил бы конец всем перешептываниям и улыбкам за нашими спинами...»

Молва о пылкой любви «Валькирии революции» со знаменитым вождем балтийских матросов дошла

едва ли не до каждого российского гражданина. «Это человек, в котором преобладает не интеллект, а душа, сердце, воля, энергия, — писала Коллонтай про Дыбенко. — В нем, в его страстно нежной ласке нет ни одного ранящего, оскорбляющего женщину штриха... Дыбенко несомненный самородок, но нельзя этих буйных людей сразу делать наркомками, давать им такую власть... У них кружится голова».

Очень разумно написано, но голова, прежде всего, закружилась у нее самой. И, несмотря на все намерения порвать с Павлом, она продолжала с ним встречаться, хотя Дыбенко переводили из одной части в другую, а Коллонтай вернулась к своей работе в женотделе ЦК и женской секции Коминтерна заместителем Инессы Арманд, а после ее внезапной смерти — руководителем.

Коллонтай призывала не только к социальному раскрепощению женщины, но и утверждала ее право на свободный выбор в любви. Об этом она писала в своих беллетристических произведениях — сборнике «Любовь пчел трудовых» и повести «Большая любовь».

Но строители нового общества не должны были растрачивать свою энергию на сексуальные забавы. Все силы трудящихся направлялись на строительство нового государства. А любить полагалось не женщин, а большевистскую партию, ее

вождей, так что все реформаторские идеи Александры Коллонтай увяли на корню, закончилась ее работа и на женском фронте.

Люто ненавидевший ее Зиновьев упрямил Сталина отправить Александру в Норвегию, по сути, в почетную ссылку.

Попав на дипломатическую работу, Александра Михайловна поразительно преобразилась. Она «потушила» свой пламенный революционный взор, навсегда забыла кожаную комиссарскую тужурку и перестала пить водку стаканами. В ее манерах появились изысканность и аристократизм. Внешний образ удачно дополнил тщательно подобранный гардероб. Знание многих языков также было большим

плюсом. А в сочетании с незаурядным умом все это делало Коллонтай respectable дамой и прекрасным собеседником.

С 1923 по 1930 годы она работала советским полпредом и торгпредом в Норвегии, во многом поспособствовав политическому признанию этой страной СССР. В 1926—1927-м некоторое время работала в Мексике, где также добилась определенных успехов в улучшении советско-мексиканских отношений. Но ей не подошел климат, и она вернулась в знакомую Скандинавию, где к представительству в Норвегии добавилось исполнение отдельных поручений в торговом представительстве в Швеции.

В 1923 году Александра в последний раз увиделась с Дыбенко, к которому давно уже охладела и с которым, естественно, развелась по его же упрощенной процедуре. Бывший муж неожиданно приехал в Норвегию — попытаться восстановить семью. Но Павел Ефимо-

вич вернулся в Россию ни с чем, и больше они никогда не виделись.

В Норвегии ее другом, помощником и советником стал Марсель Боди, французский коммунист, секретарь советской миссии. Очевидно, он и был последней любовью Александры Коллонтай. В нем присутствовали европейский лоск и почтительность, и он был на двадцать один год младше своей подруги.

процесса не последовало, дипломатов «убирали» тихо.

А Коллонтай уцелела, скорее всего, потому, что практически руководила всей политической работой в Скандинавии, и ее деятельность имела огромное значение для СССР. Замену ей найти было, мягко говоря, проблематично. Сталин без Александры Михайловны оказался бы как без рук в северных странах Европы.

Одной из важнейших задач, стоявших перед новым советским послом в Швеции, была нейтрализация влияния гитлеровской Германии в Скандинавии. Коллонтай взяла на себя роль посредника в переговорах о выходе Финляндии из войны, что значительно ускорило победу советских войск. В 1945 году Александра Михайловна вернулась на родину и продолжала работать, выполняя функции советника при МИДе. В доме на Калужской допоздна горел свет...

Наконец-то капризная судьба «повернулась лицом» к Александре Михайловне — она получила тихое, спокойное женское счастье. Но... через несколько лет Марсель разочаровался в партии большевиков и уехал во Францию. Коллонтай мгновенно оборвала с ним все связи — времена наступали суровые. В Москве расстреляли сначала Шляпникова, потом — Дыбенко. В России свирепствовал террор. Письма друзей были полны уныния.

«Жить — жутко», — писала Коллонтай. Готовилось дело об «изменниках-дипломатах», в этом списке была и ее фамилия. Но громкого

С апреля 1930 года Коллонтай — полпред в Швеции. Ее встретили очень настороженно, но, тем не менее, шведы закрыли глаза на собственный указ от 1914 года о высылке госпожи Коллонтай из страны. Посол Советского Союза сумела доказать шведам, что ныне она уже не пламенная революционерка, а вполне респектабельный дипломат.

30 октября 1930 года при вручении верительных грамот Александры Михайловна обворожила старого шведского короля Густава V, а газетчики, все как один, отметили броский туалет советского посла: русские кружева на бархатном платье.

Муза Канивез, жена Федора Раскольниковца, вспоминала о встрече с Коллонтай: «В то утро в Стокгольме я увидела ее впервые. Передо мной стояла невысокая, уже немолодая, начинающая полнеть женщина, но какие живые и умные глаза!.. Во время обеда Коллонтай пожаловалась: «Во всем мире едят у моих туалетов, жемчугах и бриллиантах и почему-то особенно о моих мантиях из шиншиллы. Посмотрите, одно из них сейчас на мне». И мы увидели довольно поношенное котиковое манти, какое можно было принять за шиншиллу только при большом воображении...»

Одной из важнейших задач, стоящих перед новым советским послом в Швеции, была нейтрализация влияния гитлеровской Германии в Скандинавии. Когда в ходе «зимней» советско-финской войны Швеция, поддерживаемая Великобританией, отправила в Финляндию два батальона добровольцев и стояла на грани открытого вступления в войну против СССР, Коллонтай добилась от шведов смягчения их позиции и посредничества в советско-финских переговорах.

В 1944 году в ранге Чрезвычайного и Полномочного посла в Швеции она вновь взяла на себя роль посредника в переговорах о выходе Финляндии из войны. Это значительно ускорило победу советских войск в войне с фашистской Германией. Вообще в Швеции Александра Михай-

ловна работала до изнеможения — и организм не выдержал напряжения: в год великих побед у нее случился инсульт. Была парализована левая половина тела, и о дипломатической работе больше не могло быть и речи.

Ради исторической правды нельзя не сказать, что, находясь на высоких дипломатических постах, Коллонтай полностью и безоговорочно поддерживала тот политический курс, который проводил Сталин и его окружение. Ярким примером тому могут служить хотя бы те же публичные заявления бывшей генеральской дочери и жены, что в Советском Союзе нет такого понятия, как военнопленные. Солдаты и офицеры рабоче-крестьянской Красной армии классовым врагам в плен не сдаются. Плен расценивается как измена Родине, а изменники заслуживают только расстрела.

В марте 1945 года Молотов сообщил телеграммой в Швецию, что за послом прилетит специальный самолет. Во Внуково ее встретил внук Владимир и отвез в новую просторную квартиру на Малой Калужской улице.

Вернувшись на родину, Коллонтай продолжала работать и выполняла функции советника в МИДе. В доме на Калужской допоздна горел свет.

Она писала: «Мой отдых вечером — книги по истории, монография или исследование античного мира. Факты, факты, я по ним де-

лаю свои выводы о прошлом и будущем человечестве... В мире очень тревожно...»

Александра Михайловна покинула этот мир 9 марта 1952 года, не дожив нескольких дней до своего восьмидесятилетия. В своем дневнике незадолго до смерти она написала: «Я любила жизнь и очень хотела быть счастливой».

Похоронили ее на Новодевичьем кладбище.

Кстати, дневники она вела всю свою жизнь — от девичества и до

смерти. В одни записывала свои мысли, в другие хронологию событий, в третьи заносила характеристики на товарищей по партии и на политических оппонентов. Так что весь ее судьбоносный путь как на ладони.

К этой женщине все относятся по-разному. Но в любом случае она заслуживает уважения своей целеустремленностью и преданностью идее всеобщего равенства и братства, как бы смешно и наивно это ни казалось людям двадцать первого века.

Поправьте меня, если я ошибаюсь. □